

Джебран Халиль Джебран

ПРОРОК

От переводчика

Поэт, философ, художник Халиль Джебран (1883 – 1931) родился в Ливане, на земле, давшей миру многих пророков. Сын крестьянина из маленькой, заброшенной в горах деревни, он еще в детстве вместе с семьей вынужден был покинуть родину и последние двадцать лет жил в США. Сейчас Джебран считается во всем мире одним из самых великих поэтов XX века, недаром 1983 год был провозглашен ЮНЕСКО годом Джебрана.

Миллионы арабов, читающие его произведения на родном языке, признают Джебрана самым выдающимся писателем и философом этого столетия.

Его книги переведены на десятки языков, включая все основные европейские языки. Его живопись выставлялась во многих столицах мира, искусствоведы сравнивают ее с работами Вильяма Блейка.

«Пророк» был написан Джебраном в 1923 году по-английски и в том же году увидел свет. Интерес к нему до сих пор огромен. Достаточно сказать, что только в США с момента первой публикации «Пророка» уже продано более четырех миллионов экземпляров и вплоть до сегодняшних дней ежегодно распродается более 80 тысяч книг в год.

Причина такой популярности «Пророка» кроется в особой художественной его структуре, причудливо сочетающей мистические и выразительные элементы Востока с радостным христианством первых его пророков. В разных странах цитаты из этого произведения украшают стены общественных и ритуальных зданий, они используются как слова молитв. Идеи и образы этой книги заставляют открываться сердца так, как это происходит при чтении Экклезиаста и немногих других подобных книг.

Сам Джебран считал «Пророка» лучшей своей работой и трудился над ним почти всю жизнь. Он писал: «Я думаю, что „Пророк“ всегда был во мне, еще с тех пор, когда я жил рядом с горой Ливан».

Живя в эмиграции, Джебран был активным борцом за освобождение Сирии и Ливана (который в то время считался частью Сирии) от иноземного ига.

Умер Халиль Джебран в апреле 1931 года в Нью-Йорке.

Его родина не забыла его. Когда в июле того же года гроб с телом поэта на борту океанского лайнера прибыл в Бейрут, он был встречен с воинскими почестями верховным комиссаром тогдашней администрации Ливана и Сирии. После церковной службы похоронная процессия направилась в деревню Бшерри, расположенную в горах, в восьмидесяти километрах от Бейрута, где 48 лет назад родился Халиль Джебран.

По дороге к месту захоронения процессия вынуждена была останавливаться в каждой деревне, и старейшины читали гимны своему великому поэту. Только к вечеру гроб с телом Джебрана был доставлен в Бшерри и установлен на высокую платформу, украшенную флагами и ветками ливанского кедра. На деревенской площади, при большом скоплении местных жителей, интеллигенции из Бейрута, бедуинов, сопровождавших процессию в горах, прощальная церемония, по сообщениям газет, «была больше похожа не на похороны, а на триумф. Звон церковных колоколов и общая атмосфера гордости за великого земляка доминировали над всем остальным».

Тело было похоронено в гроте монастыря Мар Саркис, церковь которого посещал Джебран в детстве.

Сам я услышал имя Халиля Джебрана и познакомился с его «Пророком» в Антарктиде, где работал с учеными из разных стран. Это они дали мне прочитать «Пророка» много лет назад, и с тех пор моей мечтой было перевести его. Но другие дела, дела... Однако пришло время, когда желание увидеть своего «Пророка» на русском языке, напечатанным хотя бы на машинке, стало непреодолимым. Я забросил все – и вот он перед вами.

Перечитывая сейчас «Пророка», я невольно ловлю себя на мысли: насколько современным является это произведение, насколько оно нужно и нам, сейчас, в период духовного обновления и раскрытия каждого из нас как личности, а не как «винтика». Но быть современными – это, по-видимому, судьба всех великих произведений, и не важно, когда и по какому поводу они написаны.

Перевод сделан с книги, выпущенной издательством А. Кнопфа в Нью-Йорке, с которым сотрудничал Джебран при жизни. Именно оно выпустило первое издание «Пророка».

Переводя «Пророка», я все время помнил слова его автора: «Четыре года после написания я не отдавал рукопись своему издателю, потому что я хотел быть уверен, я хотел быть совершенно уверен, что каждое слово ее было лучшим из тех, что я должен был предложить». И выбор каждого слова был, конечно же, сделан как надо, несмотря на то что «Пророк» был написан автором по-английски, а для него это не родной язык. Дело в том, что Джебрану повезло: в течение многих лет, постоянно с ним, рука об руку, работала его почитательница и добрый гений, помогавшая ему во всех делах американка Мери Хаскелл. Дочь банкира из Бостона, она получила хорошее образование, сама работала в области просвещения – много лет была директором и хозяйкой фешенебельной женской школы-интерната. Из ее дневников, получивших большую известность во всем мире, ясно, что Хаскелл много раз читала рукопись «Пророка» с точки зрения специалиста по английскому языку, давая Джебрану совет по каждому слову.

Поэтому переводчик пошел по пути бережного сохранения не только всех мыслей, но и подобного арабской вязи стилистического рисунка, непривычного для европейца.

Конечно, при этом переводчика легко упрекнуть в том, что его перевод близок к подстрочнику. С гордостью принимаю этот упрек. «Пророк» Джебрана слишком велик, чтобы заменять его интерпретацией переводчика.

Текст такого типа подобен драгоценному камню в том смысле, что он чрезвычайно чувствителен к «оправе», к среде, заключающей его в книгу. Поэтому американское издательство Л. Кнопфа, выпускающее «Пророка», начиная с его первого издания, редактировавшегося еще автором, издает книгу в основном в подарочном варианте: на хорошей бумаге, крупным шрифтом, в твердом переплете, с суперобложкой и репродукциями картин Джебрана, отобранных самим автором.

Переводчик благодарит издательство «Радуга» за то, что оно сочло возможным издать эту книгу такой же, сохранив все двенадцать репродукций с картин автора, депонировавшихся во

многих крупных музеях мира и придающих поэтическому тексту «Пророка» дополнительное очарование.

Игорь Зотиков

ПРОРОК

Приход корабля

Алмустафа, несравненный среди всеми любимых, тот, кто был рассветом собственного дня, ждал двенадцать лет в городе Орфалесе, ждал своего корабля, что должен был вернуться и взять его обратно на остров его рождения.

И на двенадцатый год, на седьмой день месяца жатвы он взошел на холм за городскими стенами и взглянул в сторону моря; и он увидел свой корабль, выходящий из тумана.

Тогда ворота его сердца широко открылись и его радость брызнула далеко в море. И он закрыл свои глаза и начал молиться в молчании души своей.

Но когда он спускался с холма, грусть вошла в него, и он подумал в своем сердце:

Как я смогу уйти отсюда спокойно и без печали? Нет, не без раны в душе покину я этот город.

Длинными были дни боли, которые я провел в этих стенах, и длинными были ночи одиночества, а разве может кто покинуть свою боль и свое одиночество без сожаления?

Слишком много кусочков своей души разбросал я по этим улицам, и слишком много рожденных моей тоской бродят нагими среди этих холмов, и я не могу уйти от них без боли и бремени. Нет, не одежду снимаю с себя я сегодня, но кожу сдираю с себя своими руками.

Нет, не мысли оставляю я за собой, а свое сердце, размягченное жаждой и голодом.

И все же я не могу быть здесь дольше.

Море, которое зовет всех в себя, позвало и меня, и я должен идти.

Потому что не прислушаться к зову часов в ночи и остаться – значит застыть, окаменеть, навеки стать залитым в неизменную форму.

Хорошо бы взять с собой все, что здесь есть, и уйти. Но как могу я? Голос не может взять с собой язык и те губы, что дали крылья ему. Один должен он улететь и искать своей цели.

Ведь один, без гнезда своего, должен орел пересекать солнце.

И сейчас, когда он достиг подножья холма, он снова повернулся к морю и увидел свой

корабль, входящий в гавань, а на корабле – моряков, людей его родной земли.

И его душа закричала им, а он сказал: Дети моей древней матери, вы всадники приливов.
Как часто приплывали вы в моих снах. А сейчас вы пришли наяву, и это глубочайший из снов.

Готов я идти, и паруса мои подняты, и с нетерпением жду ветра я.

Только еще один раз вдохну я этот воздух покоя, еще раз оглянусь с любовью назад.

А потом встану среди вас, моряк среди моряков.

И ты, огромное море, – бессонная мать,

Ты, кто одна даешь мир и свободу реке и ручью.

Только еще одну извилину сделает этот ручей, только еще один звук издаст он в своем скольжении.

И тогда я приду к тебе, безграничная капелька к безграничному океану.

А пока он шел, он увидел издали мужчин и женщин, покидающих свои поля и свои виноградники и спешащих к городским воротам.

И он услышал их голоса, называющие его по имени, перекликающиеся от поля к полю, сообщая друг другу, что приплыл его корабль.

И он сказал себе:

Будет ли этот день расставания днем слияния наших сердец? И можно ль сказать, что закат мой станет на деле моим рассветом?

И что дам я ему, кто оставил свой плуг в вспаханном поле, иль ему, кто оставил колесо своего виноградного пресса?

Станет ли мое сердце деревом, тяжело согнувшимся от плодов, которые я могу собрать и дать им?

И брызнут ли мои желания, как фонтан, из которого я смогу наполнить их чаши?

Кто я, арфа, до которой может дотронуться рука могущественного, или флейта, чтобы его дыхание прошло через меня?

Но я только искатель молчаний, а какое сокровище мог найти я в молчаниях, чтобы уверенно мог раздарить я его?

Если это день моего рождения – в какие поля посадил я свои семена и в какие забытые времена года?

И если это будет час, когда я подниму свою лампу, то не мое пламя будет жечь фитиль.

Пустой и темный подниму я свою лампу.

И пусть хранитель ночи зальет ее своим маслом и зажжет ее сам.

Все это он сказал словами. Но много в его сердце осталось невысказанным. Потому что он сам не мог высказать вслух свои глубочайшие секреты.

И когда он вошел в город: все люди вышли встретить его, и они плакали о нем, как один человек.

И старцы города вышли вперед и сказали:

Иди, но не уходи от нас.

Светом полдня был ты в полутьме нашей жизни, и твоя юность дала нам мечты, чтоб мечтать.

Не чужой ты среди нас и не гость, а наш сын и возлюбленный.

Не страдай, хоть наши глаза и будут скучать без лица твоего.

И жрецы и жрицы сказали ему:

Пусть волны моря не разделят сейчас нас и годы, что ты провел среди нас, станут памятью.

Ты разбудил в нас высокие чувства, и твоя тень была светом на наших лицах.

Мы так сильно любили тебя. Но любовь наша была бессловесна, была скрыта покровами.

Но сейчас она громко кричит тебе и выходит к тебе обнаженная.

Ведь всегда было так, – любовь не знает своей глубины до часа разлуки.

И другие тоже подошли и умоляли его. Но он не ответил им. Он только наклонил свою голову; и те, кто стоял ближе, увидели, как слезы падали на его грудь.

И он, и народ пошли на большую площадь, где стоял Храм.

А там из храма вышла женщина, чье имя было Алмитра. Пророчицей звали ее.

И с особой нежностью взглянул он на нее, потому что она была той, кто первая нашла и поверила в него, еще в тот день: когда он появился в их городе.

И она приветствовала его, говоря:

Пророк Бога, в поисках наивысшего долга выбирал ты пути для своего корабля.

Но сейчас твой корабль пришел, и ты должен уйти.

Ты так тоскуешь по земле твоих грез и страстных желаний, что пусть ни наша любовь не свяжет тебя, ни наши нужды не задержат тебя.

Но мы просим: перед тем как уйдешь от нас, поговори с нами и дай нам свою правду. И мы

передадим ее своим детям, и они – своим детям, и она не погибнет.

В своем одиночестве ты следил за нашими днями, и в своей бессоннице ты слушал, о чем мы рыдали и смеялись во сне.

Потому сейчас открой нам нас и скажи обо всем, что было открыто из того, что существует между нашим рождением и смертью.

И он ответил: Люди Орфалеса, о чем я могу говорить, кроме того, что и так постоянно живет в ваших душах?

О Любви

Тогда, сказала Алмитра, расскажи нам о Любви.

И он поднял голову и посмотрел на людей, и молчание снизошло на них. И громким голосом он произнес:

Когда любовь поманит – следуйте ей,

Хотя ее пути тяжелы и круты.

И когда ее крылья обнимут вас – не сопротивляйтесь ей,

Хотя меч, спрятанный в крыльях, может поранить вас.

И когда она говорит с вами – верьте ей,

Хотя ее голос может разрушить ваши мечты, как северный ветер превращает в пустыню сады.

Потому что любовь и надевает корону на вашу голову, но она и распинает вас на кресте. Ведь она не только для вашего роста, но и для подрезания веток, чтоб придать форму вашему дереву.

Ведь она не только поднимается до самого высокого в вас и ласкает нежные ветви, что дрожат на солнце,

Но и опускается до самых ваших корней, их сотрясает в объятиях с землей.

Как листья кукурузного початка обнимают початок – она прижимает вас к себе.

И как початок, она бьет вас, делая свободным от одежд, оставляя лишь зерна.

И как зерна, она просеивает вас, освобождая от шелухи.

И как чистые зерна початка, она толчет вас до белой муки.

И как муку, она месит вас, превращая в мягкое тесто.

И тогда только ставит вас в свой священный огонь, чтобы вы могли стать священным хлебом на священном пиршестве Бога.

Все это сделает с вами любовь, чтобы вы могли узнать секреты своего сердца и в этом знании стать частицей самого сердца Жизни.

Но только, если испугавшись, вы будете искать лишь спокойствия любви и наслаждения любви,

Тогда лучше для вас сразу закрыть свою наготу и уйти с молотильного тока любви,

Уйти в мир безвременья, где вы будете смеяться, но не всем своим смехом, и плакать, но не всеми своими слезами.

Любовь не дает ничего, кроме самой себя, и не берет ничего, кроме самой себя.

Поэтому любовь не обладает ничем, но и ею нельзя обладать,

Ведь любви достаточно только любви.

Когда вы любите, вы не должны говорить: «Бог находится в моем сердце», а скорее: «Я нахожусь в сердце Бога».

И не думайте, что вы можете направлять любовь в ее течения, потому что любовь, если она найдет вас достойным, сама направит вас.

У любви есть одно лишь желание – осуществить себя.

Поэтому, если вы любите, пусть у вашей любви будут такие желания:

Растаять и стать как бегущий ручей, что поет свою мелодию ночи.

Познать боль чрезмерной нежности.

Быть раненным собственным пониманием любви,

И кровоточить охотно и с радостью.

Просыпаться на рассвете с окрыленным сердцем и благодарить за еще день любви;

Отдыхать в полуденный час, размышляя о любовном восторге;

Возвращаться домой вечером с радостью;

И засыпать с молитвой за свою возлюбленную в сердце и песней благодарности на губах.

О Браке

Тогда Алмитра заговорила снова и сказала: А что ты скажешь о Браке, учитель?

И он ответил так:

Вы были рождены вместе, и вместе вы будете всегда.

Вы останетесь вместе, даже когда белые крылья смерти разбросают ваши дни.

Да, вы будете вместе даже в молчаливой памяти Бога.

Но пусть будут свободные пространства в вашем единении.

И пусть ветры небес танцуют между вами.

Любите друг друга, но не делайте оков из любви.

Пусть это будет скорее беспокойное море, колышущееся между берегами ваших душ.

Наполняйте чашу друг друга, но не пейте из одной чаши.

Давайте друг другу свой хлеб, но не откусывайте от одного куска.

Пойте и танцуйте вместе и будьте радостны, но позволяйте друг другу бывать наедине с собой,

Ведь и каждая из струн лютни сама по себе, хотя они вместе звучат в одной мелодии.

Отдайте свои сердца, но не на хранение друг другу.

Потому что только рука Жизни может держать ваши сердца.

И будьте вместе, но не слишком вместе:

Потому что и колонны храма стоят отдельно,

И дуб и кипарис не растут в тени друг друга.

О Детях

И женщина с ребенком на груди сказала: Скажи нам о Детях.

И он ответил так:

Ваши дети – это не ваши дети.

Они сыновья и дочери Жизни, заботящейся о самой себе.

Они появляются через вас, но не из вас,

И, хотя они принадлежат вам, вы не хозяева им.

Вы можете подарить им вашу любовь, но не ваши думы,

Потому что у них есть собственные думы.

Вы можете дать дом их телам, но не их душам,

Ведь их души живут в доме Завтра, который вам не посетить, даже в ваших мечтах.

Вы можете стараться быть похожими на них, но не стремитесь сделать их похожими на себя.

Потому что жизнь идет не назад и не дожидается Вчера.

Вы только луки, из которых посланы вперед живые стрелы, которые вы зовете своими детьми.

Лучник видит свою цель на пути в бесконечное, и это Он сгибает вас своей силой, чтобы Его стрелы могли лететь быстро и далеко.

Пусть ваше сгибание в руках этого Лучника будет вам в радость,

Ведь он любит не только свою стрелу, что летит, но и свой лук, хотя он и не подвижен.

О том, как Дарить

Тогда сказал богач: Скажи нам о том, как Дарить.

И он ответил так:

Вы даете лишь самую малость, когда дарите часть того, чем владеете.

Только тогда, когда вы отдаете часть себя самого, вы по-настоящему дарите.

Ведь что есть то, чем вы владеете, как не вещи, которые вы бережете и охраняете из-за боязни, что они будут нужны вам завтра?

А завтра – что принесет завтра слишком расчетливой собаке, закапывающей кости в бескрайних песках, когда она следует за паломником в святой город?

И разве боязнь нужды не то же, что и сама нужда?

Разве ужас от возможности жажды не то же, что сама жажда, даже если ваш колодец полон воды?

Некоторые, владея многим, дарят лишь самую малость того, что имеют, и дарят, лишь чтобы другие узнали об этом; их скрытое желание этого делает их подарки безнравственными.

А есть такие, которые обладают немногим и отдают все.

Это те, кто верит в жизнь и в ее щедрость, и их кошелек никогда не бывает пуст.

Есть такие, кто дарит с радостью, и эта радость есть их награда.

И есть такие, кто дарит, но с болью, и эту боль они несут как свой крест.

И есть те, кто отдает безболезненно и не ищет от этого радости и не думает о добродетелях;

Они дарят так, как в цветущей долине мирт дарит свой аромат небесам.

Руками таких вот, как эти, говорит Господь, и Он улыбается земле их глазами.

Хорошо отдавать по просьбе, но лучше дать, когда тебя не просили, лишь потому, что ты сам все понимаешь;

И для того, кто дарит охотно, поиск того, кому дать, – это радость, много большая, чем само даренье.

А есть ли что-нибудь такое, что нельзя подарить?

Все, чем владеете, все равно когда-нибудь будет роздано;

А раз так – отдавайте же сами, сейчас. Пусть время дарения будет вашим, а не ваших наследников.

Вы часто говорите: «Я бы дал, но лишь тем, кто заслуживает».

Деверья вашего фруктового сада не говорят так, не говорят так и стада ваших пастбищ. Они отдают, чтобы жить, потому что не отдать для них – значит погибнуть.

Ведь наверняка тот, кто был избран, чтоб получить свои дни и ночи, достоин получить и все остальное хотя б и от вас.

Потому что тот, кто получил право пить из океана жизни, достоин наполнить свою чашу и из вашего маленького ручья.

Разве может быть ноша тяжелее, чем та, которую надо взвалить, чтобы принять подаяние. Мужество, уверенность, милосердие даже нужны, чтоб подарок принять.

И кто ты такой, чтоб люди унижались перед тобой, чтоб ты мог видеть их суть обнаженной и гордость лишенной стыда?

Убедись сначала, что ты сам достоин быть тем, кто дает, быть посланцем дарения.

Ведь в действительности только жизнь дает жизни, а ты, мнящий себя дающим, на самом деле только свидетель.

И вы, кто получил – а получаете все вы, – не думайте о величине благодарности, ведь этим вы возложите тяжесть на себя и на того, кто вам дал.

Вместо этого взлетите вместе с дающим на дарах его, как на крыльях,

Потому что быть заполненным думой о долге – значит сомневаться в щедрости того, чьей матерью была земля, свободная сердцем, и чьим отцом был сам Бог.

О Еде и Питье

И тогда старый человек, содержатель двора, сказал: Скажи нам о Еде и Питье.

И он ответил так:

Хорошо, если бы вы могли жить ароматом земли и, как растение, брать жизненные силы от

света.

Но раз вы должны убивать, чтобы есть, и отнимать у новорожденного молоко его матери, чтоб утолить свою жажду, пусть это будет священный акт.

И пусть алтарем будет ваш обеденный стол, алтарем, на котором чистые и невинные лесов и полей приносятся в жертву высшей чистоте и невинности, что живет в человеке.

И когда вы зверя лишаете жизни, обратитесь в своем сердце:

"Той же силой, что сразила тебя, я тоже буду сражен, и меня тоже съедят или используют.

Ведь тот же закон, что отдал тебя в мои руки, отдаст и меня в еще более могучие руки.

И твоя, и моя кровь – это только сок, которой питает дерево рая".

И когда под твоими зубами хрустит яблоко, скажи ему в своем сердце:

"Твоим семенем будут жить в моем теле, И бутоны твоего завтра расцветут в моем сердце,

И аромат твой будет в моем дыхании, И вместе мы будем радоваться снова и снова всем временам года".

И осенью, когда вы собираете виноград со своих виноградников для виноградного пресса, скажите в своем сердце:

"Я тоже только виноградник, и мои плоды тоже соберут для виноградного пресса,

И, как молодое вино, меня спрячут в амфоры вечности".

И зимой, когда откроете это вино, пусть в вашем сердце будет песня для каждой чаши;

И пусть в этой песне будет память о тех осенних днях, и о винограднике, и о виноградном прессе.

О Труде

Тогда пахарь произнес: Скажи нам о Труде.

И он ответил, говоря:

Вы работаете, чтобы быть вместе с землей и душой земли.

Ведь бездельничать – значит стать чужим временем года и выпасть из течения жизни, – течения, что движется величаво в бесконечность в гордом преклонении пред ней.

Когда вы работаете: вы становитесь флейтой, в сердце которой шепот часов превращается в музыку.

И кто из вас хотел бы стать тростником, немым и молчаливым, когда все остальное поет в унисон?

Вам всегда говорили, что работа – это проклятие и физический труд – это несчастье.

Но я скажу вам, что когда вы работаете, вы осуществляете часть самой заветной мечты земли, порученной вам, когда эта мечта только лишь родилась,

И, занимаясь трудом, вы по-настоящему любите жизнь,

Потому что любить жизнь через труд – значит близко узнать самые сокровенные секреты жизни.

Но, если вы в своих муках боли называете рождение – бедствием и работу для поддержания тела – проклятием, написанным на вашем лбу, тогда я скажу вам, что только в поте лица смоее вы то, что там начертано.

Вам говорили, что жизнь – это тьма, и в своей усталости вы повторяли то, что было сказано раньше усталыми.

И я говорю, что жизнь – это действительно тьма, пока не проснется стремление,

Но любое стремление слепо, пока нет знания,

Но и знание любое бесполезно, пока нет труда,

Но и труд любой пуст, пока нет любви;

И только когда ты с любовью работаешь, ты соединяешь себя с собой, и с другими людьми, и с Богом.

А что такое трудиться с любовью?

Это ткать ткань из ниток, тянущихся из своего сердца, так, будто твоя возлюбленная собирается носить эту ткань.

Это строить дом с любовью, так, будто твоя возлюбленная будет жить в этом доме.

Это бросать семена с нежностью и собирать урожай с радостью, будто твоя возлюбленная будет есть эти плоды.

Это значит наполнять все вещи, которые ты делаешь, дыханием твоей души.

И знать, что все великие мертвые стоят рядом и смотрят.

Часто я слышал вас как бы говорящими во сне: "Тот, кто работает с мрамором и находит форму своей души в этом камне, благородней того, кто пашет землю.

И тот, кто берет радугу, чтобы положить ее на холст на радость людям, – больше, чем тот,

что делает сандалии для наших ног".

Но я отвечу, и не во сне, а всей ясностью ума середины дня, что ветер говорит с огромными дубами так же нежно, как и с самыми маленькими стебельками травы; И велик тот, кто превращает голос ветра в песнь, что стала слаще от его собственной любви.

Труд – это любовь, которая видима.

И если ты можешь трудиться без любви, а лишь с отвращением, будет лучше, если ты оставишь работу, и сядешь у ворот храма, и будешь просить милостыню у тех, кто работает с радостью.

Потому что, если ты печешь хлеб с безразличием, ты печешь горький хлеб, который насыщает только наполовину.

И если ты давишь виноград с неохотой, твоя неохота перегоняется в яд в твоём вине.

И если ты поешь даже как ангел, но любви нет в твоём пении, ты только заглушаешь голоса дня и голоса ночи в ушах других людей.

О Радости и Печали

И тогда женщина сказала: Скажи нам о Радости и о Печали.

И он ответил так:

Твоя радость – это твое горе без маски.

Ведь тот же самый колодец, из которого поднимается твой смех, был часто заполнен твоими слезами.

И разве может быть иначе?

Чем глубже твое горе проникло в тебя, тем больше и радости может вместиться в тебя.

Разве не та же чаша, что содержит твое вино, обожглась когда-то в печи гончара?

И разве лютня, усаждающая твой дух, не то самое дерево, которое страдало под ножами резчиков?

Когда ты радуешься, загляни глубоко в свое сердце, и ты обнаружишь, что только то, что приносило тебе печаль, дает тебе и радость.

И когда тебе горько, загляни снова в свое сердце, ты увидишь, что в действительности ты плачешь о том, что было твоей радостью.

Кто-то из вас может сказать: «Радость больше, чем печаль», а другие скажут: «Нет, горе больше».

Но я скажу вам: Они неразлучны.

Вместе пришли они, и когда одна из них сидит с тобой за столом – помни, другая спит на

твоей кровати.

Действительно, как стрелка весов, ты колеблешься между горем и радостью.

И только когда ты пуст, она неподвижна в равновесии. Но чуть лишь хранитель сокровищ поднимет весы, чтобы взвесить свое золото и серебро, обязательно твоя радость или горе на чашах поднимутся или упадут.

О Жилищах

Тогда каменщик вышел из толпы и сказал: Расскажи нам о Жилищах.

И он ответил так:

Когда вы строите дом внутри городских стен, вообразите, что вы строите жилище среди дикой природы.

Именно его видит странник, спрятанный в вас, как бы ни был он одинок и далек.

Ведь ваш дом – продолжение вас самих.

Он растет под солнцем и спит в спокойствии ночи. И, конечно, у него есть сны. И разве ваш дом не мечтает? И мечтая, разве он не уходит из города в рощу или на вершину холма?

Ах, если бы я мог собрать ваши дома в свою руку и: как сеятель, разбросать их по лесам и полям.

И тогда бы долины стали вашими улицами и зеленые тропинки – дорогами, чтобы вы могли ходить друг к другу через виноградники и приносить аромат земли на одеждах.

Но время это еще не настало.

Ваши предки в страхе столпили вас слишком тесно друг к другу. Этот страх пока еще не прошел. И стены вашего города будут пока отделять ваши очаги от ваших полей.

И скажите мне, люди Орфалеса, что есть у вас, в ваших домах? Что храните вы там, за дверьми, что закрыты?

Есть ли там мир, спокойные желания, говорящие о том, что вы сильны?

Есть ли там воспоминания, эти мерцающие своды, соединяющие вершины умов?

Есть ли там красота, ведущее сердце от вещей, сотворенных из камня и дерева, к священным вершинам?

Скажите, есть ли все это в ваших домах?

Или есть у вас только комфорт и стремление к комфорту – это вороватый пришелец, который входит в дом как гость, потом становится хозяином, а потом и властелином.

И как укротитель зверей, он железным крючком и бичом превращает ваши самые большие желания в марионетки.

Хоть у него и мягкие руки, сердце его из железа.

Он убаюкивает вас, только чтобы стать у кровати и смеяться над достоинством вашего тела.

Он высмеивает ваши разумные чувства и заворачивает их в мягкий пух сухих трав моря, как хрупкие амфоры.

Вот так стремление к роскоши убивает пыл души, а потом идет, улыбаясь, на похоронах.

Но вы, дети пространств, неугомные даже во сне, вы не дадите себя поймать и укротить.

Ваш дом будет не якорь, но мачта.

Он будет не блистательным покровом, скрывающим рану, но веком, защищающим глаз.

И вы не сложите крыльев, только чтоб проходить через двери, и не склоните голову, только чтобы не удариться о низкий косяк. И вы не будете бояться дышать оттого, что стены при этом могут треснуть и упадут.

Вы ведь не будете жить в гробницах, сделанных мертвыми для живых.

Ведь как ни красив и богат ваш дом, он не сохранит вашей тайны и не спрячет вашей тоски.

Ведь то в вас, что не имеет границ, остается во дворце неба, чья дверь – утренний туман и чьи окна – песни и молчание ночи.

Об Одеждах

И тогда ткач сказал: Скажи нам об Одеждах.

И он ответил:

Ваши одежды скрывают большую часть того, что в вас прекрасно, но они не скрывают того, что в вас некрасиво.

И хотя вы в одеждах ищете свободу иметь свою тайну, вы найдете свою тайну, вы найдете в них лишь хомут и цепи.

А без них вы смогли бы встретить солнце и ветер вашей кожей, а не только хитоном,

Потому что дыхание жизни заключено в луче солнца и рукой жизни можно назвать ветер.

Кое-кто из вас скажет: «Те одежды, что носили мы, сотканы северным ветром».

И я скажу: "Да, это северный ветер,

Но стыд был его ткацким станком, и ваша изнеженность была его ниткой.

И когда он кончил эту работу, он смеялся над вами в лесу".

Не забудьте, что скромность – это щит против глаза, который нечист.

И когда нечистых не будет – не станет ли скромность лишь уздой и обманом ума?

И не забудьте – земле так приятно чувствовать ваши босые ноги, а ветрам так хочется играть вашими волосами.

О Купле и Продаже

И сказал купец: Расскажи нам о Купле и Продаже.

И он ответил так:

Вы те, кому земля отдает свои плоды, и вы не будете нуждаться, если знаете, что с ними делать.

Ведь в обмене даров земли вы найдете и богатство, достаток и удовольствие.

И все же, если обмен не будет сделан с любовью и добрым согласием, он приведет одних к жадности, а других – к голоду,

Вы, – те, кто уходит в туманное море, иль идет в поле за плугом, иль подрезает лозу, – придя на базар, вы встречаете тех, кто делает ткани, и обжигает горшки, и собирает душистые пряности.

Позовите тогда главного духа Земли, чтобы он появился среди вас и освятил бы ваши весы и вашу способность считать, сколько весит каждая ценность по отношению к другой.

И сторонитесь бездельников в ваших делах – тех, что будут пытаться продать свое пустомельство за труд ваш.

Такому скажите:

"Иди со мной в поле иль с братьями нашими в море и закинь там сеть свою сам,

Потому что земля или море будут к тебе так же щедры, как были щедры к нам".

И если туда к вам придут певцы, танцоры, флейтисты – купите и их дары тоже.

Потому что и они – лишь собиратели плодов, и то, что они с собой принесли на продажу, – это тоже хорошая пища для вашей души, хоть она сделана только из мечты и видений.

И прежде чем покинете вы ту базарную площадь, проследите, чтоб ни один не ушел бы ни с чем.

Потому что главный дух Земли не уснет спокойно, пока не будет удовлетворен и самый малый из вас.

О Преступлении и Наказании

И тогда один из судей города вышел вперед и сказал: Скажи нам о Преступлении и Наказании.

И он ответил, сказав так:

Когда дух ваш уходит бродяжничать, как игрушка ветров,

Вот тогда-то вы, одинокий и незащищенный, и совершаете злодеяние против других, а значит, и против себя.

И за это плохое, что вы совершили, вы должны набраться терпения и ждать, постучавшись у ворот, что открыты только для благословенных.

Как океан, велика божественная часть вашего Я;

Она всегда остается неоскверненной.

Но, как эфир, она держит на себе только тех, у кого есть крылья.

И на солнце похожа божественная часть вашего Я;

Она не знает путей, которыми пробирается крот, или нор, по которым ползают змеи.

Но божественное вашего Я живет не одно в вас.

Многое в вас еще от человека и многое даже от того, кто был еще до него,

То, что живет бесформенно в вас от вашего предка-пигмея, бродит сонно в тумане, стараясь проснуться.

Но только с тем, что в вас Человек, говорю я,

Ведь не божественное вашего Я и не часть его, что от пигмея, а только то в вас, что от Человека, знает, что есть преступление и каково за него наказание.

Часто слышал я – вы говорили о том, кто сделал зло, так, будто он не был одним из вас, а был для вас странник, пришелец из мира другого.

А я говорю, что как святой и праведный не может подняться выше самого высокого, что есть в каждом из вас,

Так и злой и слабый не может пасть ниже самого низкого, что также есть в каждом из вас,

И как лист одинокий не становится желтым без молчаливого согласия целого дерева,

Так и обидчик не может сделать плохое, если все вы не желаете того же тайком.

Ведь не одиночками, а как процессия идете вы все к божественному вашего Я.

И вы одновременно и путник, и ваша дорога.

И когда один из вас падает, он падает за тех, кто позади, чтобы те не споткнулись о камень.

Да, но он падает из-за тех, кто впереди, кто, хоть и силен в ногах и проворен, все же не убрал камень с дороги.

И скажу еще то, что будет вам не очень по нраву:

Убитый не свободен от ответственности за убийство свое,

И ограбленный не безвинен за то, что ограблен

И праведный не может отгородиться от дел греховодника,

И тот, у кого чистые руки, – не чист в делах обманщика.

Да, виновный часто сам – жертва пострадавшего,

И еще чаще осужденный несет свое бремя за тех, кто остался без греха и кого не винят.

Но нельзя отделить справедливое от несправедливого и хорошее от греховного,

Потому что они всегда едины перед лицом солнца, как белая нитка и черная, свитые вместе.

И когда порвется черная нитка, ткач не только осматривает весь уже сотканный материал, а также проверит и ткацкий станок.

И если кто-то из вас возьмется судить о чьей-то неверной жене,

Пусть он взвесит и сердце мужа ее на весах, и измерит душу его по всем меркам.

И пусть тот, кто готовит плетку обидчику, всмотрится в душу того, кто обижен.

И если кто из вас будет наказывать от имени праведных, готовый обрушить топор на дерево зла, пусть он всмотрится и в корни его;

И, конечно, он найдет там корни зла, но найдет он там также и корни добра, корни полезного и корни вредного свитыми вместе в тишине сердца земли.

И вы, судьи, желающие быть справедливыми,

Что за приговор прочтете вы тому, кто чист телом, но вор в душе?

И что за наказание наложите вы на того, кто был убит другими в душе?

И как вы накажите того, кто по делам своим – обманщик и угнетатель И в то же время сам – жертва обмана и жертва насилия?

И как вы накажите тех, чье раскаянье стало большим уже, чем то, что они совершили?

Ведь разве раскаяние не есть то, что как раз и хочет получить от виноватого правосудие, которому вы рады служить?

И все же вы не можете дать раскаянье невиновному или отобрать его от сердца виноватого.

Неутолимо будет приходить оно ночью, чтобы человек мог проснуться и взглянуть на себя.

А вы, стремящиеся понять справедливость, как вы поймете ее, не взглянув на дела все в полном свете дня?

Только тогда вы поймете, что тот, кто стоит, и тот, кто упал, – всего лишь один человек, находящийся в сумерках между ночью пигмейства и светом того, что божественно в его душе,

Ведь и самый главный из камней основания храма ничуть не выше самого нижнего камня в его фундаменте.

О Законах

И тогда сказал адвокат: Что ты думаешь о наших Законах, учитель?

И он ответил так: Вы с удовольствием создаете законы,

И с еще большим удовольствием их нарушаете.

Как дети на пляже у океана строят играя все новые песчаные башни, чтоб со смехом сломать их.

Но пока вы строите свои песчаные башни, океан приносит на берег все новый и новый песок,

И, когда вы ломаете то, что построили, океан всегда смеется над простодушными.

Но как быть с людьми, для которых жизнь – не океан и созданные человеком законы не песочные замки,

Как быть с теми, для кого жизнь – это скала, а закон – это кирка, с которой они хотят изменить форму скалы по своему желанию?

Как быть с калекой, ненавидящем танцы?

Как быть с влюбленным в хомут свой домашним волком, для которого гуляющие по лесу лось и олень – только бродяги без дома и племени?

Как быть со старым змеем, который уже не может сбросить свою старую кожу и поэтому называет всех других, кто ее сбрасывает, голыми и бесстыжими?

И как быть с тем, кто приходит самым первым на свадебный пир, а когда наевшись, устанет – уходит, говоря, что все пиры – это лишь нарушение порядков, а те, кто пирует, нарушают законы?

Что я скажу о них всех – только то, что они хоть стоят в лучах солнца, но на солнце смотрят их спины?

А они видят лишь свои тени, и тени свои принимают они за законы.

И что для них солнце, если не простой создатель теней?

И разве признание законов для них не есть лишь падение ниц, чтоб ползти по земле вдоль их теней?

Но вы, кто идет лицом к солнцу, – разве рисунки на брэнной земле остановят вас?

И вы, кто в дружбе с ветрами, – нужен ли вам флюгер вертлявый, чтоб указать ваш путь?

Какой закон человека свяжет вам руки, если вы сами, сбросив хомут свой, не тронули тюремные двери других?

Какой закон человека испугает вас, если, танцуя, вы не спотыкаетесь о коварные цепи других.

И кто осудит вас, если вы сорвете с себя одежды, но не бросите их на дороге другого?

Люди Орфалеса, вы можете заставить замолчать барабан и ослабить струны лиры, но кто может приказать жаворонку замолчать?

О Свободе

И оратор сказал: Скажи нам о Свободе.

И он ответил так:

У городских ворот и у очагов ваших домов я видел, как вы простирались ниц, молясь на свою свободу,

Точно так же рабы простираются перед тираном и хвалят его, хотя он казнит их.

И в роще у храма, и в тени цитадели я видел, как даже самые свободные из вас носят свободу свою, как хомут и наручные цепи.

И сердце мое обливалось кровью, потому что вы можете быть свободными лишь тогда, когда желанье быть свободным всегда станет уже вашей привычкой и вы перестанете говорить о свободе как о вашей цели и высшем предназначении по каждому поводу.

Вы будете точно свободны, но лишь тогда, когда ваши дни станут полны забот, а ваши ночи будут полны желаний и грусти,

И когда, оплетенные ими, вы вырветесь, подниметесь над жизнью, хотя б обнаженные, но сбросившие все эти путы, – тогда вы свободны.

Разве можете вы подняться над своими ночами и днями, не разорвав цепей, которыми вы уже опоясали свое будущее еще на рассвете вашего пониманья вещей?

Ведь то, что вы зовете свободой, – это самая прочная из цепей, и ее звенья сверкают на солнце и ослепляют ваши глаза.

И что, как не кусочки вашего Я, вы должны раздробить, чтобы стать свободным?

Если есть несправедливый закон, который вам бы хотелось отменить, помните – этот закон был когда-то начертан вашей рукой на вашем собственном лбу.

И вы не сотрете его, даже если сожжете свои книги законов, и не смоете его со лбов ваших судей, хоть выльете на них все ваше море.

И если вы собираетесь лишиться власти тирана, посмотрите сперва, уничтожен ли трон его, возведенный в вашей душе.

Ведь тиран может властвовать над свободными и гордыми, если только внутри их свободы есть тирания и внутри их гордости прячется стыд.

И если вы хотите сбросить с себя какую-то заботу, значит, эта забота была выбрана вами самими, а не возложена кем-то на вас.

И если вам хочется рассеять свой страх, помните, гнездо этого страха лежит в вашем сердце, а не в руке того, кого вы боитесь.

Поистине все движется внутри вас в постоянном полуобъятьи: то, чего вы желаете, и то, чего вы боитесь, отвратительное и почитаемое, то, к чему стремитесь и то, чего хотели бы вы избежать.

Все эти вещи движутся внутри вас как светлые пятна и тени, переплетенные парами вместе.

И когда одна тень рассеивается, сливаясь со светлым пятном, и исчезает, то что остается, становится тенью для другого, более яркого света.

Также и ваша свобода, вырвавшись из кандалов, она превращается в цепи для еще большей свободы.

О Рассудке и Страсти

И жрица из храма заговорила снова, сказав: Скажи нам о Рассудке и Страсти.

И он ответил и сказал так:

Ваша душа – часто поле сражения, где ваши рассудок и разум воюют с желанием и страстью.

Если бы я мог стать миротворцем в вашей душе, я бы превратил разлад и борьбу этих стихий в единство мелодии.

Но как я смогу это сделать, если вы сами не хотите тоже быть миротворцами, не хотите стать любовниками каждой из этих ваших стихий?

Ваш рассудок и ваша страсть – это руль и парус фрегата вашей души.

И если парус ваши иль руль будут сломаны, ваш фрегат может только метаться бесцельно, иль дрейфовать, иль застыть посредине огромного моря.

Потому, что рассудок, если правит один, – это сила, но имеющая четкий предел, а страсть, если не управляема, – это пламя, что сжигает дотла.

Поэтому позвольте вашей душе поднять ваш рассудок до высот страсти, чтоб он мог запеть;

И пусть рассудок направляет вашу страсть разумно, чтоб страсть могла воскрешаться изо дня в день и вставать, как феникс, из собственного пепла.

Мне бы хотелось, чтобы вы взглянули на ваши суждения и ваши желания как на двух гостей дорогих, сидящих за вашим столом.

Вы ведь не будете делать одного из гостей выше другого, потому что тот, кто заботится больше об одном из гостей, теряет любовь и уважение обоих.

Среди холмов, когда вы сидите в прохладной тени белых тополей, внимая спокойствию и безмятежности дальних полей и лугов, – пусть ваше сердце скажет молчаливо: «Бог покоится в рассудке».

И когда приходит буря, и дикие ветры сотрясают лес, и гром и молнии провозглашают величие неба – тогда пусть ваше сердце воскликнет в благоговейном трепете: «Бог обретает движение в страсти».

И так как вы – только дыхание божественных сфер и только лист в лесу Бога, вы тоже должны покоиться в рассудке и обретать движение в страсти.

О Боли

Тогда заговорила женщина, сказав: Расскажи нам о Боли.

И он ответил так:

Ваша боль от того, что ломается оболочка, скрывающая вас от пониманья вещей.

Чтобы сердце плода могло предстать перед солнцем, его твердая косточка должна расколоться, вот так же и вы должны узнать боль.

И если бы сердце ваше не переставало изумляться чудесам, которые жизнь приносит вам каждый день, ваша боль казалась бы вам не менее длинной, чем радость;

И вы бы смирились со сменой времен года вашего сердца, подобно тому как принимаете

смену сезонов, проходящих через ваши поля.

И наблюдали бы с безмятежностью за зимами ваших печалей.

Значительную часть вашей боли вы выбрали сами.

Это горькое снадобье, которым врач внутри вас лечит заболевшую часть вашего Я.

Поэтому доверьтесь врачу и пейте его лекарство молча, безропотно:

Потому что, как ни тяжела и жестока рука -она управляется бережной рукой Невидимого,

И чаша, что он вам поднес, хотя и жжет ваши губы, сделана Гончаром из глины, смоченной Его собственными святыми слезами.

О Познании Себя

И спросил мужчина: Скажи нам о Познании Себя.

И он ответил так:

Ваши сердца знают, но молчат, о секретах дней и ночей.

Но уши ваши жаждут услышать о том, что знает сердце.

И вы услышите в словах то, что вы всегда знали в мыслях.

И вы дотронетесь пальцами до нагого тела ваших мечтаний.

Так это и должно быть.

Ведь скрытый родник вашей души должен подняться и побежать, журча, к морю;

И сокровище ваших бесконечных глубин должно открыться вашим глазам.

Но пусть не будет весов, чтобы взвешивать это сокровище, которое вам неизвестно;

И не стремитесь измерить глубину познания себя при помощи мерной рулетки,

Потому что Я – это море, которое не имеет границ и которое невозможно измерить.

Не говорите: «Я нашел правду», а скажите: «Я нашел крупицу правды».

Не говорите: «Я нашел дорогу, которой идет душа», а скажите: «Я встретил душу, идущую моей дорогой».

Потому что душа идет всеми дорогами.

Потому что душа не идет по прямой и не растет, как тростник.

Потому что душа, как цветок лотоса, открывает свои лепестки один за другим и число их нельзя сосчитать.

Об Учении

Тогда сказал учитель: Расскажи нам об Учении.

И он сказал так:

Ни один человек не покажет вам больше, чем то, что лежит в полусне рассвета вашего знания.

И учитель, прохаживающийся в тени храма в окружении учеников, дарит им не мудрость свою, а только веру и способность любить.

Если он действительно мудр, он не пригласит вас в дом своей мудрости, а лишь подведет вас к порогу вашего собственного ума.

Астроном может рассказать вам о своем понимании пространства, но он не может дать вам своего понимания.

Музыкант может петь вам о ритме, который нас окружает везде, но он не может дать вам слух, чтоб уловить этот ритм, или голос, чтобы его повторить.

И тот, кто сведущ в науке о числах, может рассказать вам о мире мер и весов, но он не может провести вас туда.

Потому что прозрение одного человека не простирает крылья свои на другого.

И каждый из вас стоит в одиночку пред Богом, так каждый из вас должен быть одинок и в своем знании Бога и пониманье Земли.

О Дружбе

А потом вышел юноша и попросил: Скажи нам о Дружбе.

И он ответил так:

Ваш друг – это ваши удовлетворенные нужды.

Он – ваше поле, которое вы засеваете любовью и пожинаете благодарностью.

И он – ваши стол и очаг.

Вы приходите к нему голодный для того, чтоб насытиться покоем.

Когда ваш друг открывает вам свои мысли, не бойтесь говорить ему «нет» лишь про себя и не отказывайте ему в «да».

И когда он молчит, пусть ваше сердце не перестанет слушать сердце его,

Потому что, если есть дружба, все мысли, все желания и все надежды рождаются и

разделяются с радостью, которой не нужно признание и не нужны слова.

Но не горюйте, когда вы расстаетесь с другом своим,

Ведь то главное, что вы любите в нем, может быть виднее в разлуке, как путешественнику гора видится лучше с равнины.

И пусть не будет в вашей дружбе целей других – только углубление духа.

Потому что любовь, которая ищет не только открытия собственной тайны, – это уже не любовь, а лишь сеть, брошенная наугад, чтоб поймать, что попадется.

И пусть все лучшее в вас будет для друга.

Раз уж он должен знать ваши отливы, пусть он знает и ваши приливы.

Потому что зачем вам нужен друг, если вы ищете его, только чтоб скоротать свое время?

Ищите встречи с другом всегда, когда у вас есть время Жить.

Ведь друг существует, чтобы удовлетворить вашу нужду, а не заполнить в вас пустоту.

И в сладости дружбы пусть будут смех и разделенные радости.

Потому что сердце находит утро свое и набирает сил как раз в росе малых вещей.

О Разговоре

И тогда ученых человек сказал: Скажи нам о Разговоре.

И он ответил, говоря так:

Вы разговариваете, когда перестаете быть в мире с вашими мыслями;

И когда вы больше не можете жить в одиночестве вашего сердца, вы живете губами, а звук становится лишь развлечением.

И во многом из того, что вы говорите, мысль наполовину убита.

Потому что мысль – это птица открытых пространств, которая в клетке из слов может расправить крылья, но не может летать.

Если среди вас такие, кто ищет разговорчивого из страха остаться наедине с собой.

Молчание одиночества обнажает глаза их собственного Я, и им хочется бежать от себя.

И есть те, кто в разговоре неосознанно открывают правду, которую сами не понимают.

И есть те, у кого правда в них самих, но они не говорят о ней словами.

И в груди вот таких дух живет в ритмичном молчании.

Когда ты встретишь друга на дороге или на базаре, пусть дух, что живет в тебе, движет твоими губами и управляет твоим языком.

И пусть голос твоего голоса говорит уху его уха.

Потому что его душа будет хранить правду твоего сердца, как хранится вкус вина, когда цвет его забыт и сосуда уже нет больше.

О Времени

И астроном сказал: Учитель, а Время – что это?

И он ответил так:

Вы хотели бы измерить необъятное и неизмеримое время.

Вы хотели бы приспособить себя и даже направить дух свой по пути, соответствующему часам и сезонам.

Из времени вы хотели бы сделать ручей, на чьем берегу вы сидели бы, глядя, как время течет.

И все же непреходящее в вас понимает, что жизнь неподвластна течению времен,

И знает, что вчера – это всего лишь память сегодня, а завтра – это лишь мечта сегодня.

И то, что поет в вас и созерцает, – все еще живет в границах той первой секунды, которая разбросала звезды в пространстве.

Кто из вас не чувствует, что его сила любить не имеет границ?

И все же кто не чувствует, что та же любовь, столь безграничная, заключена внутри лишь его самого и не движется от одной любовной мысли к другой или от одного любовного действия к другому?

И разве само время не то же, что и любовь, – неделимо и безгранично?

Но коль в ваших мыслях вы должны мерить время сезонами, пусть ваш каждый сезон охватывает все другие сезоны.

И пусть сегодня обнимет свое прошлое, укутав его памятью и будущее страстным желанием его.

О Добре и Зле

И один старейший города сказал: Скажи нам о Добре и Зле.

И он ответил:

О хорошем в вас я могу говорить, а не о зле.

Ведь что есть зло, если не добро, измученное собственным голодом и жаждой?

Поистине, когда добро голодно, оно ищет пищу даже в темных пещерах, и когда оно жаждет – оно пьет даже мертвые воды.

Вы добры, когда вы едины сами с собой.

Но и когда вы разъединены, вы не зло.

Потому что и дом, где нет согласия, – еще не гнездо воров, это просто дом, где нет согласия.

И корабль без руля может плавать без цели между опасными островами и все же не уйти на дно.

Вы добры, когда заставляете себя дарить.

Но и когда вы хотите получить для себя – вы не зло.

Потому что, когда вы стараетесь приобрести, вы просто корень, который прильнув к грудям земли, сосет их молоко.

Конечно, плод не может сказать корню: «Будь как я, зрелым и всегда раздающим свое изобилие».

Потому что для плода отдавать есть его назначение, так же как получать – предназначение корня.

Вы – носитель добра, когда вы говорите, все ваши чувства не спят, отражаясь в словах.

Но вы не носитель зла, даже когда ваш язык бормочет что-то без цели, в то время, как Я ваше спит.

Ведь даже и бормотание может усилить слабый язык.

Вы – носитель добра, когда вы идете к цели своей твердо и шаги ваши смелы.

Но вы не носитель зла, и когда идете хромяя.

Даже тот, кто идет хромяя, идет тоже вперед.

Но вы, кто силен и скор, смотрите, чтоб не хромать перед настоящим хромым, думая, что этим вы делаете доброе дело.

Вы хороши в бесчисленных добрых делах, но вы не несете зла, и когда не делаете добра,

Вы просто теряете даром время и медлите.

Жаль, что олени не могут учить быстроте черепах.

В вашем стремлении сделать свое Я огромным лежит ваша доброта, и это стремление есть в каждом из вас.

Но в некоторых это стремление сильно как поток, мощно несущийся к морю, увлекающий за

собой секреты склонов холмов и песни лесов.

А в других то же стремление – лишь тихий ручей, теряющийся в собственных петлях и изгибах и не достигающий моря.

Но пусть тот, кто ретив, не скажет тому, кто спокоен: «Почему ты медлишь и останавливаешься?»

Потому что настоящий носитель добра не спросит у голого: «Где твоё платье?» – иль у бездомного: «Что с домом твоим случилось?»

О Молитве

Тогда жрица сказала: Скажи нам о Молитве.

И он ответил так:

Вы молитесь, когда у вас нужда или горе, а ведь могли бы молиться также в дни ваших радостей и в дни изобилия.

Ведь что есть молитва, если не продолжение вашего Я, живущее в небесном пространстве?

И если вам становится лучше, когда вы изливаете свою тьму в это пространство, вам будет приятно излить туда и зарю своего сердца.

И если, когда ваша душа зовет вас на молитву, вы можете лишь рыдать, она должна пробудить вас к этому снова и снова, пока рыдания ваши не перейдут в смех.

Когда вы молитесь, вы поднимаетесь ввысь, чтобы встретиться с теми, кто тоже молится в этот час и кого без молитвы вы никогда бы не встретили.

Поэтому пусть ваш визит в этот невидимый храм будет только лишь для восторга и радости встречи.

Потому что, если вы вошли в храм, лишь чтоб просить, вы не получите.

И если вы вошли в него лишь для того, чтоб унижить себя, – вас не поднимут.

И даже если вы вошли в храм, чтоб молиться о благополучии других – вас не услышат.

Достаточно того, что вы входите в тот невидимый храм.

Я не могу дать вам слова ваших молитв.

Бог слушает не ваши слова, кроме тех случаев, когда Он Сам вкладывает их в ваши уста.

И я не могу научить вас молитве ваших морей, и лесов, и гор.

Но вы, дети тех гор, и лесов, и морей, сами найдете их молитву в вашем сердце.

И если вы просто прислушаетесь в тишине ночи, вы услышите, как они говорят молчаливо:

"Наш Бог, ты создал наше крылатое Я, это твоя воля повелевает в нас.

Это твоё желание желает в нас.

Это с твоего побуждения наши ночи, которые принадлежат и тебе, превращаются в дни, тоже твои.

Мы не можем просить у тебя ничего, потому что ты знаешь наши нужды, прежде чем они в нас рождаются:

Ты придумал нам нашу нужду, и, давая нам больше себя, ты дашь нам все, что нам надо".

Об Удовольствии

Тогда отшельник, который посещал этот город раз в году, вышел вперед и сказал: Скажи нам об Удовольствии.

И он ответил, сказав:

Удовольствие – это песнь свободы,

Но это не свобода.

Это цветение ваших желаний,

Но это не плод их.

Это глубина, зовущая ввысь,

Но это не та глубина и не та высота.

Это заключенный в клетку, которому дали вдруг крылья,

Но это не заключенное в рамки пространство.

Да, поистине, удовольствие – это песня свободы.

И я буду рад, если вы запоете ее от всего сердца, хотя я не хотел бы, чтобы вы потеряли сердце свое в этом пении.

И есть среди вас юноши, кто ищет удовольствие, как если бы в них все заключалось, – их вы уже осудили и упрекнули.

Но я бы не стал осуждать и упрекать, я дал бы им право искать.

Конечно, они найдут удовольствие, но не одно удовольствие;

У него есть семь сестер, и каждая из них еще более прекрасна, чем просто удовольствие.

Разве вы не слышали о человеке, который копался в земле, чтобы найти корни, а нашел сокровище?

И есть среди вас старики, кто вспоминает удовольствие с сожалением, как будто это были

ошибки, совершенные ими, когда они были пьяны.

Но сожаленье – это затмение разума, а не способ себя наказать за то, что прошло.

Им бы лучше вспомнить их удовольствия с благодарностью, как они вспоминали бы об урожае лета.

И все же, если их сожаленья утешают – пусть утешаются.

И есть среди вас такие, кто уж не юн, чтобы искать, и недостаточно стар, чтобы лишь вспоминать.

И, страшась искать или вспоминать, они избегают всех удовольствий, чтобы не обделить свой дух, не оскорбить его.

Но даже в таком отречении находят они свое удовольствие.

Вот так они тоже находят сокровища, хотя их дрожащие руки роют землю в поисках корней,

Но скажите мне, кто тот, который может обидеть дух?

Разве соловей обижает тишину ночи или светлячок – звезды?

И разве ваше пламя или ваш дым обременяют ветер?

Вы думаете, что дух – это тихий водоем, который можно возмутить посохом?

Часто, отказываясь от удовольствия, вы просто прячете желанье его в тайники вашего Я.

Но кто знает, может то, что кажется упущенным сегодня, ожидает вас завтра?

Даже ваше тело знает то, чем может гордиться, знает свои законные нужды, и его не ввести в заблуждение.

А ведь ваше тело – это арфа вашей души, И от вас зависит – извлечь из нее сладкую музыку или звуков сумбур.

А теперь вы спрашиваете в вашем сердце:

«Как мы отделим то, что хорошо в удовольствии, от того, что не хорошо?»

Идите в ваши поля и в ваши сады, и вы узнаете, что для пчелы удовольствие – собирать мед с цветка,

Но для цветка отдать свою сладость пчеле – тоже удовольствие.

Потому что для пчелы цветок – фонтан жизни,

А для цветка пчела – посланец любви.

И для обоих, для пчелы и цветка, давать и получать удовольствие – это и необходимость, и наслаждение.

Люди Орфалеса, будьте в ваших удовольствиях, как цветы и пчелы.

О Красоте

И вышел поэт и сказал: Скажи нам о Красоте.

И он ответил так:

Где вы найдете красоту и как узнаете вы ее, если она сама не будет вашим путем и поводом?

И как вы будете говорить о ней, если она будет тем ткачом, кто тклет вашу речь?

Горемыка иль раненный скажет: "Красота добра и милосердна.

Как молодая мать, еще стесняющаяся своего собственного великолепия, она идет среди нас".

А страстный скажет: "Нет, красота – это что-то могучее и устрашающее.

Как буря она сотрясает землю под ногами и небо над головой".

Усталый и утомленный скажет: "Красота – она как мягкий шепот. Она говорит с нашим духом.

Ее голос утихает перед нашим молчанием, как слабый огонь, что трепещет от страха пред тенью".

Но беспокойный скажет: "Мы слышали ее кричащей среди горных вершин,

И с ее криками доносились цокот копыт, и хлопанье крыльев, и рычание львов".

Вечером стражник города скажет: «Красота встанет на востоке с рассветом».

А в середине дня, те, кто трудится иль путешествует, скажут: «Мы видели ее склонившейся над землей из окон заката».

Зимой занесенные снегом говорят: «Она придет с весной, бегущей по холмам».

А в летней жаре жрецы говорят: «Мы видели ее танцующей с листьями осени, и мы видели снежные пряди в ее волосах».

Все это говорили вы о красоте.

И все же, по правде, вы говорили не о ней, а о своих неудовлетворенных нуждах,

А красота – это не нужда, но экстаз.

Это не пересохший рот или пустая, протянутая за подаянием рука,

Это, скорее, объятые пламенем сердце и поющая от восторга душа.

Это не образ, который можно увидеть, и не песня, которую можно услышать,

Это, скорее, образ, что стоит перед вами, хотя вы закрыли ваши глаза, и песня, которую вам слышно, хотя вы заткнули свои уши.

Это не сок, сохранившийся в ободранной коре дерева, и не крыло, скрепленное с когтем,

Это, скорее, сад, который вечно в цветах, и сонм ангелов, которые всегда в полете.

Люди Орфалеса, красота – это Жизнь, когда Жизнь снимает покрывало со своего святого лица.

Но вы сами являетесь этой Жизнью, и вы сами – ее покрывало.

Красота – это вечность, смотрящая на себя в зеркало.

Но вы сами являетесь этой вечностью, и вы – ее зеркало.

О Религии

И старый жрец сказал: Скажи нам о Религии.

И он сказал так:

А разве я говорил сегодня о чем-нибудь еще?

Разве религия – это не все ваши дела и все их отражения и не все то, что не является ни делом, ни его отражением, а лишь радостью и удивлением, всегда льющимся из вашей души, даже когда ваши руки рубят камень иль работают за ткацким станком?

Кто может отделить свою веру от своих действий иль убеждение от того, чем он занят?

Кто может расстелить свое время пред собой, говоря: «Это для Бога, а это для себя, это для моей души, а это, другое, для тела»?

Все ваши часы – это крылья, несущие вас сквозь пространства от себя к себе.

Ну а тому, кто носит свою мораль только как выходное платье, лучше быть голым.

Ведь ветер и солнце не сделают дыр в его коже,

И тот, кто определяет свое поведение лишь этикой, заключает свою певчую птицу в клетку.

Самая свободная песня не приходит ни из-за решетки, ни из-за колючей проволоки.

И тот, для кого молитва – это окно, которое можно открыть, но можно закрыть, еще не посетил дом своей души, чьи окна простираются от зари до зари.

Ваша будничная жизнь является вашим храмом и вашей религией.

И всегда, когда вы входите туда, берете с собой все, что у вас есть.

Возьмите с собой и плуг, и наковальню, и молот, и лютню, Все те вещи, что вы создали по

нужде или для наслаждения.

Потому что в молитвах своих вы не сможете подняться выше своих достижений или упасть ниже своих неудач.

И возьмите с собой всех людей,

Потому что в этих молитвах вы не сможете ни взлететь выше, чем их надежды, ни унижить себя ниже отчаянья их.

И если вы узнаете Бога, не ждите, что он ответит на ваши вопросы и поправит ваши ошибки.

Лучше посмотрите вокруг, и увидите Его играющим с вашими детьми.

И взгляните в пространство: вы увидите Его идущим по облаку, простирающим руки свои в виде молнии и спускающимся в виде дождя.

Вы увидите, что он улыбается в цветах, а потом поднимается и шевелит руками Своими в деревьях.

О Смерти

Тогда Алмитра заговорила, сказав: Мы хотим спросить тебя о Смерти.

И он сказал так:

Вы хотели бы узнать секрет смерти.

Но как вы найдете его, если не будете искать его в сердце жизни?

Филин, чьи привыкшие к ночи глаза слепы днем, не может снять покрывало с тайны света.

Если вы действительно хотите узнать дух смерти, откройте широко ваше сердце для тела жизни.

Потому что жизнь и смерть – одно целое, так же как одним целым являются река и море.

В глубине ваших надежд и желаний лежит ваше молчаливое знание потустороннего;

И как семена, что спят под снегом, ваше сердце грезит весной.

Верьте этим снам, потому что в них скрыты ворота в вечность.

Ваш страх перед смертью – это только дрожь пастуха, стоящего пред своим королем, чья рука готова отметить его почетом. Разве пастух не рад, хоть и дрожит, что сам король отметит его?

И все же разве не думает он больше всего о дрожи своей?

Разве умереть не значит лишь встать обнаженным под ветер, чтобы слиться, расплавившись, с солнцем?

И разве остановка дыхания не есть лишь освобождение его от беспокойных приливов и отливов, так, чтоб оно поднялось и простерлось без всяких забот в поисках Бога?

Только испив из реки молчания, вы сможете по-настоящему петь.

И когда вы достигнете вершины горы, только тогда вы сможете начать восхождение.

И когда земля затребует все ваше тело, тогда только вы начнете настоящий свой танец.

Всего Хорошего

И подошел вечер.

И Алмитра, пророчица, сказала: Пусть будет благословен этот день и это место и твой дух, который говорил с нами.

А он ответил: «Разве это я говорил с вами? Разве я тоже не был лишь слушатель?»

После этого он сошел со ступенек Храма, и все люди последовали за ним. И он взошел на корабль и встал на палубе.

И, снова взглянув на толпу, он возвысил голос и сказал:

Люди Орфалеса, мой ветер говорит мне – я должен покинуть вас.

Я не так тороплюсь, как ветер, но все же я должен уйти.

Мы, скитальцы, всегда выбираем самую пустынную из дорог и не начинаем дня там, где мы окончили предыдущий; и ни один восход не найдет нас там, где закат оставил нас.

Даже когда земля спит, мы в пути.

Мы – семена цепких растений, и, как только мы возмужаем и сердца наши станут полны, нас бросают по ветру, который разносит нас.

Мои дни среди вас были так кратки, и еще короче были слова, что я вам сказал.

Но если голос мой перестанет звучать в ваших ушах и моя любовь исчезнет из вашей памяти, тогда я снова вернусь.

И буду снова говорить с вами еще более полным сердцем и устами, еще более податливыми Духу.

Да, я вернусь, когда придет срок.

И хотя смерть может спрятать меня и я буду окутан еще большим молчанием, я снова буду искать вашего понимания.

И буду искать его не без пользы.

Ведь если то, что я говорил, окажется правдой, эта правда заявит о себе еще более ясным голосом, и слова ее будут лучше отвечать вашим мыслям.

Меня уносит ветер, люди Орфалеса, но я не кану в пустоту.

И если день этот не стал днем, когда ваши нужды удовлетворились и моя любовь принесла вам плоды, тогда пусть этот день будет обещанием другого дня.

Нужды человека меняются, но любовь его постоянна и постоянно его желание, чтобы эта любовь удовлетворяла его нужды.

Поэтому знайте, что и из большого молчания я вернусь к вам.

Туман, который уходит с восходом, оставляя на полях только росу, поднимется и соберется в облако и затем упадет дождем.

И я тоже похож был на этот туман.

В молчании ночей ходил я по улицам вашим, и мой дух входил в ваши дома.

И биение ваших сердец было в моем сердце, и ваше дыхание было на моем лице, и я знал вас всех.

Да, я делил с вами вашу радость и вашу боль, и, когда вы засыпали, ваши сны становились моими снами.

И часто я был среди вас как озеро между горами.

Я отражал ваши вершины и неровные склоны и даже пролетающие стайки ваших мыслей и ваших желаний.

И ручьи смеха ваших детей и реки томления ваших юношей впадали в мое молчание.

Эти ручьи и реки не перестали петь даже тогда, когда они достигали глубин моего Я.

Но что-то еще более нежное, чем смех, и большее, чем томление, вошло в меня.

Это была безграничность, которую я в вас нашел;

Огромный великан, в котором вы все только клетки и жилы;

Великан, в чьем пении ваше пенье – лишь беззвучное сотрясение воздуха.

В этом великане и каждый из вас был огромен.

И, глядя на него, я до конца разглядел и полюбил вас.

Разве все расстояния, что пролетает любовь, не в пределах этого великана?

И разве есть видения, догадки, надежды, которые могут уносить дальше, чем этот полет?

Как гигантский дуб, покрытый цветами яблони, живет в вас этот великан.

Его мощь гнет вас к земле, его аромат поднимает вас в высь, и в его долговечности вы сами бессмертны.

Вам говорили, что, так же как цепь, вы слабы самым слабым своим звеном,

Но это лишь половина правды. Вы сильны самым крепким своим звеном.

Мерить вас самыми малыми вашими делами все равно что мерить мощь океана хрупкостью его пены.

Обвинять вас за ваши неудачи все равно что обвинять времена года за их непостоянство.

Да, вы похожи на океан,

И хотя тяжело груженные суда ждут прилива на ваших берегах, все же, как океан, вы не можете торопить ваши приливы.

Но вы похожи также и на времена года,

Ведь, хотя вашей зимой вы отрицаете существование вашей весны,

Все же весна, дремлющая внутри вас, улыбается во сне и не в обиде на вас.

Но не думайте, что я говорю это лишь для того, чтобы вы сказали друг другу: «Он оценил нас хорошо, высоко. Он видел только хорошее в нас».

Я лишь говорю вам словами то, что вы сами знаете в мыслях своих.

А ведь что такое словесное знание, как не жалкая тень бессловесного?

Ваши мысли и мои слова – это лишь волны запечатанной памяти, в которой хранятся записи про наши вчера,

И про древние дни, когда Земля не знала еще ни нас, ни себя,

И про ночи, когда все на Земле было еще в беспорядке.

Мудрецы приходили к вам, чтобы дать вам своей мудрости. Я пришел к вам, чтобы взять от мудрости вашей.

И вот я нашел то, что больше чем мудрость.

Это пламя вашего духа, которое все разрастается, Пока вы, не обращая вниманья на его рост, сокрушаетесь лишь об увядании ваших дней.

Но боится могилы только жизнь, которая ищет жизни лишь в плоти.

Здесь нет могил.

Эти горы и эти равнины – одновременно и колыбель, и ступенька. Когда вы проходите мимо поля, где вы хоронили предков своих, посмотрите туда хорошенько, и вы увидите там себя и своих детей, танцующих вместе, взявшись за руки.

Поистине, вы часто веселитесь, не зная об этом.

К вам приходили другие, они обещали вашей вере горы златые, и за то обещанье вы отдали им только ваши богатства, вашу власть, вашу славу.

Я дал вам меньше, чем обещанье, и все же вы были много щедрее ко мне.

Вы дали мне еще большую жажду жизни.

А ведь нет большего для человека подарка, чем тот, что превращает все его цели в желанья, от которых у него пересохшие губы и вся жизнь становится как прекрасный фонтан.

И мой почет и вознаграждение мое заключаются в следующем:

Всегда, когда я подхожу к тому фонтану напиться, я нахожу, что живая вода его сама томится жаждой;

И пока я ее пью, она пьет меня.

Кое-кто из вас думает, что я горд и слишком стеснителен, чтобы брать ваши подарки.

Я действительно слишком горд, чтобы работать за вознаграждение, иное дело – подарки.

И хотя я питался ягодами среди окрестных холмов, когда вы хотели бы видеть меня сидящим за вашим столом,

И спал в портике храма, когда вы с радостью приняли бы меня к себе,

Все же разве не ваше любящее внимание к моим дням и ночам превратило пищу мою в нектар и наполнило мой сон сновидениями?

Но больше всего я благословляю вас вот за что:

Вы даете много и даже не знаете об этом.

А ведь доброта, которая любит себя в зеркале, превращается в камень

И хорошее дело, которое называет себя красивыми именами, становится родителем проклятья.

Кому-то из вас казался я отчужденным и пьяным своим одиночеством,

И вы говорили: "Он держит совет с деревьями своего леса, но не с нами, с людьми.

Он сидит одиноко на вершинах холмов и смотрит вниз на наш город".

Это правда, что я поднимался на эти холмы и гулял в отдаленных местах.

Но разве смог бы я увидеть вас, если бы не уходил на большие высоты и расстояния?

Как может кто-нибудь быть по-настоящему близко, если он не ушел далеко?

И есть среди вас другие, кто не обращались ко мне в словах, и они говорили:

"Странник, странник, любитель недостижимых высот, почему бродишь ты среди вершин, где орлы строят гнезда?"

Почему ищешь то, чего достигнуть нельзя?

Что за бури собираешься ты ловить в свою сеть?

И каких ускользающих птиц ловишь ты в своем небе?

Приди и будь таким же, как мы.

Спустись утолить свой голод хлебом из наших запасов и свою жажду – нашим вином".

В одиночестве своих душ они говорили все это.

Но если бы одиночество их было глубже, они знали бы – я искал только секрет вашей радости и вашей беды,

И я охотился только за главным в ваших Я, за тем, что бродит по небесам.

Но за охотником тоже охотились;

Поэтому много моих стрел покинули лук мой только лишь для того, чтобы найти мою грудь.

И летающий был в то же время ползущим,

Потому что, когда я расправлял свои крылья под солнцем, их тень на земле была лишь черепахой.

И я, верующий, был в то же время и тем, кто сомневался;

Вот поэтому я снова и снова сыпал соль на свои раны, сыпал, чтоб сильнее верить в вас и лучше узнать вас.

И с верой и знанием, полученными таким трудным путем, я говорю вам так:

Вы не пленники ваших тел и не привязаны к вашим домам и полям.

Ваше Я парит над горой и путешествует вместе с ветрами.

Это не то существо, что ползет за теплом, пресмыкаясь под солнцем, иль роет норы во тьме, чтоб обеспечить себе безопасность,

Нет, это то существо, что свободно: это дух, который обнимает всю Землю и движется вместе с эфиром.

Если эти слова вам не понятны, не пытайтесь в них разобраться.

Туманно и облачно бывает начало всех вещей и ясно только в конце,

А я очень хотел, чтоб вы помнили меня как начало.

Жизнь и все, что живет, начинается тоже в тумане, а не в прозрачном кристалле.

И кто, кроме кристалла, может сказать, рассеется ли туман?

Я хотел, чтобы вспоминая меня, вы помнили вот что:

То, что выглядит наиболее слабым и путанным в вас, – в самом деле есть самое сильное, самое ясное.

Ведь разве не ваше дыханье создало и укрепило ваш остов?

И разве не мечта, которую никто из вас уже и не помнит, построила этот ваш город и создала все, что в нем есть?

Но если бы вы смогли видеть ваше дыханье, то перестали бы видеть все остальное,

И если бы вы смогли слышать шепот той вашей мечты, вы не услышали бы уже других звуков.

Но вы не видите и не слышите этого, и это хорошо.

Повязка, что застилает ваши глаза, может быть снята только руками, которые соткали эту повязку.

И глину, которой закрыты ваши уши, можно проткнуть лишь теми пальцами, что разминали ее.

И вы уведете, И вы услышите, И все же вы не будете сожалеть, что знали слепоту, и печалиться, что были глухи.

Потому что в тот день вы узнаете скрытые назначения всех вещей.

И вы благословите темноту, как вы благословили свет.

И сказав все это, он посмотрел вокруг и увидел капитана своего корабля, стоящего у руля и смотрящего то на надутые паруса, то вдаль.

И он сказал:

Терпелив, слишком уж терпелив кормчий моего корабля.

Ветер дует, и беспокойны его паруса, Даже руль ищет уже направление,

И все же спокойно ждет капитан моего молчания.

И эти мои моряки, которые слышали хоры огромных морей, они тоже слушали меня терпеливо.

Но сейчас они не могут ждать дольше.

Я готов.

Ручей достиг моря, и снова великая мать прижимает сына к своей груди.

Всего вам хорошего, люди Орфалеса. Этот день окончился.

Он закрывается для нас, как водяная лилия закрывается для своего собственного завтра.

То, что было дано нам здесь, мы будем хранить,

И если этого недостаточно, тогда снова должны мы собраться и вместе протянуть руки дающему.

Не забывайте, что я вернусь к вам снова.

Еще немного, и моя тоска начнет собирать пыль и пену для другого тела.

Еще немного, мгновение отдыха в попутном ветре, и другая женщина родит меня.

Всего хорошего вам и моей юности, которую я провел с вами.

Ведь только вчера мы встретились в мечте.

Вы пели мне в моем одиночестве, и я из ваших стремлений построил свой воздушный замок в небе.

Но сейчас наш сон ушел от нас, и наши сновидения растаяли, и рассвет уже давно кончился.

Полдень уже подходит к нам, наша дремота уже превратилась в день, и мы должны расстаться.

Если в сумерках памяти мы встретимся еще раз, мы снова будем говорить вместе и вы споете мне песнь с более глубоким смыслом.

И если наши руки встретятся в еще одной мечте, мы построим другой воздушный замок.

Говоря так, он дал сигнал своим морякам, и сразу же они подняли якорь и сняли корабль с места стоянки, и он двинулся на восток.

И крик вырвался из толпы, как из единого сердца, и он поднялся в темноту и понесся над морем, как будто протрубили огромные трубы.

Только Алмитра молчала, следя за кораблем, пока он не исчез в тумане.

И когда все люди разошлись, она все еще стояла одна на набережной, вспоминая сердцем его слова:

«Еще немного, мгновение отдыха в попутном ветре, и другая женщина родит меня».